

Игорь Прокопьевич Добаев, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК Южного федерального университета и ИСПИ РАН (Ростов-на-Дону).

Современный терроризм на Северном Кавказе

Терроризм в современной России имеет преимущественно религиозно-политическую окраску, поскольку базируется на идеологии радикального исламизма. Наша страна и прежде сталкивалась с этим явлением, например в Афганистане в 1979–1989 гг. Но это была чужая страна, а сегодня терроризм стал проблемой Северокавказского региона самой России. Его особенностью, по нашему мнению, является сочетание религиозного, этнического и криминального элементов, объединившихся на базе идеологии радикального исламизма при поддержке некоторых международных структур. Терроризм на Северном Кавказе до сих пор подпитывается финансами и оружием, инструкторами и боевиками международных экстремистских и террористических организаций исламистского или националистическо-исламистского толков. К сожалению, мировая общественность в своё время с недоверием отнеслась к высказываниям тех, кто говорил, что Россия стала жертвой агрессии со стороны международного терроризма, до сих пор стремящегося расширить зону своего влияния, превратить ряд регионов нашей страны в полигон для обкатки методов институционального строительства в духе идей религиозно-политического экстремизма. Складывавшаяся во второй половине XX в. система международной и национальной безопасности была ориентирована исключительно на сферу международных отношений и оказалась не готовой, в известном смысле даже беззащитной перед вызовами и угрозами, инспирируемыми внесистемным игроком – так называемым "международным терроризмом".

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в истории Северного Кавказа разнообразие формы религиозно-политического экстремизма встречались не раз: вооружённый сепаратизм и призывы к джихаду после завершения Кавказской войны 1818–1864 гг., политический бандитизм 20-х – 30-х гг. XX в., этнический коллаборационизм (создание воинских формирований некоторых горских народов в гитлеровской армии). Схожие по форме и характеру явления вновь начали фиксироваться в регионе с начала 90-х гг. XX в. вплоть до настоящего времени.

Кавказская война 1818–1864 гг., которую горцы Северо-Восточного Кавказа вели под лозунгами священного джихада¹, наиболее ожесточённые формы приняла в Дагестане и, особенно, в Чечне – самых исламизированных территориях Северного Кавказа. Здесь ислам всегда выполнял

¹ "Джихад" в переводе с арабского буквально означает "усердие", "рвение". Здесь и далее имеется в виду "джихад меча" – священная война (в исламе существуют также понятия "джихад слова" – проповедь, "джихад руки" – благотворительность).

социально-мобилизующую роль, особенно в переломные исторические периоды, среди которых можно выделить национально-освободительные движения под руководством имама Мансура (1785–1791 гг.) и имама Шамиля (1834–1859 гг.), более мелкие восстания и абречество в 1866–1916 гг., выступления периода революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.), депортацию некоторых северокавказских народов (1944–1957 гг.), меры по "восстановлению конституционного порядка" (1994–1996 гг.) и, наконец, "антитеррористическую кампанию" 1999–2009 гг.

Пришедшие к власти в Чечне после крушения Советского Союза сепаратистски настроенные элиты во главе с бывшим генералом Советской армии Джохаром Дудаевым в целях идеологической консолидации чеченского общества поначалу пытались реанимировать элементы древней традиционной социальной системы чеченцев, в основе которой лежат кровнородственные кланы и более крупные социальные образования – *тейпы*, в совокупности образующие чеченский этнос. Однако наличие более 160-и тейпов и отсутствие у чеченцев на протяжении их истории собственной государственности не дали возможности реализовать эту идею. Тогда сторонники Дудаева сделали ставку на идеологию традиционного для региона направления ислама – суфийского тариката (*кадирийя*). Но и эта попытка не увенчалась успехом из-за многочисленных (несколько десятков) дочерних суфийских объединений (вирдовых братств). Тогда-то и пришёл черёд идеологии "чистого ислама", не признающей деления мусульман на расы, этносы, тейпы, другие локальные этнические и религиозные группы, который в регионе стал известен как "ваххабизм" (салафизм).

События в Чечне 1994–1996 гг. стали стимулом для быстрой интернационализации в регионе салафитского движения. Этот период был отмечен массовым участием в военных действиях на стороне чеченских сепаратистов их единомышленников из Пакистана, Афганистана, Турции и некоторых арабских стран.

"Межсезонье" (1996–1999 гг.) превратило Чечню в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев "живым товаром", наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрывавшемуся исламом. Это привело к вторжению в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан банд чеченских и зарубежных террористов, которых поддерживали немногочисленные местные ваххабиты. Общими усилиями федеральных войск и дагестанского населения экстремистам был дан отпор. А осенью 1999 г. на территории Чечни началась "антитеррористическая кампания". Первоначально шли фронтальные сражения, апогеем которых стал штурм Грозного, а завершилась она "чеченизацией" конфликта, преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, дало возможность жителям республики быстро наладить мирную жизнь. В частности, английская "Гардиан" отмечала, что в современной Чечне удивляют "объёмы строительных и ремонтных работ в столице". "Следует отдать должное решимости Кремля вложить значительные средства в дело нормализации Чечни, – отмечает газета, – ...ново и то, что с улиц исчезли российские солдаты и милиционеры. Таковую модель снижения

своего видимого присутствия взяли на вооружение американцы в Багдаде. Нравится вам это или нет, но эту войну русские выиграли"².

Между тем, несмотря на реальные успехи в деле восстановления Чечни, ситуация, как представляется, ещё далека от идеала. Поражение сепаратистов в Чечне привело к распылению салафитского движения по всему Северному Кавказу. "Сопrotивление" превратилось частично в "партизанщину", частично в сетевую террористическую структуру, которая состоит из мобильных, слабо связанных между собой группировок.

Именно в этом направлении в последние 4–5 лет происходила трансформация террористического движения на Северном Кавказе. Среди прочего она стала следствием уничтожения "первого эшелона" главарей и активистов незаконных вооружённых формирований, которые ориентировались на прямое противостояние федеральному центру. Пришедшее им на смену новое поколение северокавказских радикалов такой возможности уже не имело, а потому вскоре выродилось в подпольные, действующие преимущественно в городах, мелкие сетевые террористические структуры, орудующие сегодня почти во всех республиках региона.

Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали так называемые *джамааты*³, которые в целом построены по этническому принципу и действуют в основном на территориях "своих" республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего поколения джамааты пополняются молодыми людьми, в научных изданиях и публицистике их нередко называют "молодёжными джамаатами".

Сегодня практически во всех субъектах Южного федерального округа (ЮФО) сложились собственные террористические структуры "молодёжных джамаатов". Если в конце 90-х – начале 2000-х гг. они были тесно связаны друг с другом на уровне руководителей и порой даже рядовых членов, то сегодня эти формирования предельно децентрализованы, а нередко самоорганизуются стихийно, снизу – вверх, на базе общих целей и идеологии.

Вместе с тем в последние годы деятельность по консолидации разрозненных подпольных групп, инспирируемая в том числе и извне, не прекращалась. Так, после ликвидации 30 августа 2009 г. на территории Хасавюртовского района некоего "доктора Мухаммада", уроженца Алжира и эмиссара "Аль-Каиды" в Дагестане, официальные представители Управления ФСБ по республике заявили, что он прибыл туда ещё в конце 2007 г. со специальным заданием "поставить под контроль дагестанские бандгруппы, обеспечить поступление финансовых средств из-за рубежа и организовать каналы переправки боевиков из Грузии и Азербайджана". Вплоть до последнего времени, по данным ФСБ, "доктор Мухаммад" подчинялся главному представителю "Аль-Каиды" на Северном Кавказе – некоему Моганнеду, которого называют преемником уничтоженных Хаттаба, Абу аль-Валида и Абу-Хавса⁴.

² The Guardian. 2008. September 30.

³ Небольшие группы адептов того или иного направления (школы) в исламе или сторонников исламской организации.

⁴ Коммерсантъ. 2009. № 160 (4215). 1 сентября.

Организационно структуры "молодых" копируются с ближневосточных оригиналов: жёсткое единоначалие, сплочённость, широкая внутренняя благотворительность и взаимопомощь (как, например, в палестинском Движении исламского сопротивления – ХАМАС).

Анализ материалов, связанных с деятельностью "молодёжных джамаатов", позволяет заключить, что эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность и эффективность. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими разработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Радикальные идеологии позволяют их носителям не только оправдывать совершаемые диверсионно-террористические акции, но планировать их, не испытывая при этом угрызений совести. Так, согласно исследованиям, проведённым в 2000–2002 гг. в Дагестане, лишь 2 из 50 находившихся под следствием экстремистов-ваххабитов усомнились в справедливости и правильности своих поступков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что ваххабизм как идеология достаточно привлекателен для части молодых мусульман региона⁵.

Террористические "джамааты", совершенствуя свою боевую тактику и стратегию и учитывая крах плана создания независимой Ичкерии, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение тактику совершения диверсионно-террористических акций. Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать, а в случае необходимости – объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь, а действия могут согласовываться и координироваться. Иначе говоря, деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, построенного по сетевому принципу. Причём, и это особенно важно, вчерашние "партизаны" из горной и лесной местности перебрались в города, привлекли в свои ряды молодёжь, не имевшую криминального прошлого, в том числе из числа учащихся средней и высшей школы, аспирантов и даже молодых учёных, создали эффективно действующую своеобразную "городскую герилью"⁶. В горах и лесах остаются в основном те, кто находится в розыске и кому трудно "раствориться" в городах.

Таким образом, тенденция "растекания терроризма" в регионе, о которой ранее говорили лишь отдельные эксперты, стала реальностью. Особенно непростая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – в Дагестане и Ингушетии, а в последнее время – и на территории Чечни. И это влияет на процессы в других республиках (больше всего в Кабардино-Балкарии, в меньшей степени – в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии).

⁵ Устранение конфессиональных противоречий как предупреждение религиозного экстремизма // Дагестанская правда. 2007. № 77–79. 5 июля.

⁶ От исп. *guerrilla* – война, название партизанской войны в Испании и Латинской Америке.

Иными словами, с "замирением" Чечни активность боевиков не прекратилась. Она энергичнее, чем прежде, стала распространяться на другие республики Северного Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость. Эксперты отмечают по-прежнему хорошую подготовку боевиков, конспирацию и скоординированность действий (теракты нередко проводятся одновременно в нескольких республиках, у террористов время от времени обнаруживаются подробные списки работников милиции и ФСБ, номера их автомобилей, литература по изготовлению самодельных бомб и др.). Боевики, как отмечается в СМИ, столь же фанатичны, как и прежде, – их приходится уничтожать вместе со зданиями, где они укрываются⁷.

Важной вехой в эволюции террористического движения на Северном Кавказе стало проведённое в июле 2005 г. заседание их главного руководящего органа – "*маджлис-уль-шуры*", в составе которого беспрецедентно лидирующая роль принадлежала боевикам-арабам: из 12 членов совета только Шамиль Басаев был чеченцем, все остальные – арабами. Тогда были приняты далеко идущие решения по активизации исламистского подполья во всём Северокавказском регионе. А уже в октябре 2005 г. боевики "кабардино-балкарского джамаата" атаковали ряд объектов в столице республики городе Нальчик.

То, что бандподполье вот уже много лет выступает под лозунгами радикального исламизма, ни для кого не секрет. Крен в направлении религиозно-политического экстремизма обозначился ещё в период президентства А. Масхадова. Следующий "глава Ичкерии" – Абдул-Хаким Садулаев – открыто заявил, что целью "джихада" на Северном Кавказе является создание общего для мусульманских народов региона *исламского государства*. Садулаев сформировал промежуточную структуру, так называемый "Кавказский фронт", разбив его на секторы, границы которых совпадали с границами северокавказских республик, и начал менять не только идеологию, но и стратегию сопротивления, сделав акцент на развитие сети вооружённых "джамаатов" по всему Северному Кавказу⁸.

В октябре 2007 г. место уничтоженного А. Садулаева занял новый "президент" непризнанной Чеченской Республики Ичкерия Доку Умаров. В своём обращении, размещённом на сайтах сепаратистов, он провозгласил себя "амиром всех боевиков Кавказа и предводителем джихада", а также "единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды". Умаров также заявил, что отрицает все законы официальных властей, которые установлены в мире и на Кавказе: "Я отрицаю, объявляю вне закона все те названия, которыми неверные разделяют мусульман. Объявляю вне закона этнические, территориально-колониальные зоны под названием "северокавказские республики" и тому подобное... Наш враг не только Россия, но и Америка, Англия, Израиль – все, кто ведёт войну против ислама и мусульман"⁹. Таким образом, Чеченская Республика Ичкерия прекратила своё существование, войдя на правах административно-территориального образования (вилаета) в состав

⁷ Независимая газета. 2007. 14 мая.

⁸ Информационное агенство "Caucasus Times". 2007. 22 ноября.

⁹ Доку Умаров распустил Ичкерию // Настоящее время. 2007. № 8. 2 ноября.

виртуального "Северокавказского эмирата", а террористические движения отдельных республик стали соответствующими "фронтами" этого "эмирата".

Как показывает анализ, главный вектор террористической активности боевиков многочисленных "джамаатов" в Северокавказском регионе направлен в основном против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, а также официального мусульманского духовенства. Особенно чётко эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок "Шариат" и "Дженнет" (Дагестан), "Ярмук" (Кабардино-Балкария), "Халифат" (Ингушетия) и др. Начиная с 2002 г. они целенаправленно уничтожают принадлежащих к указанным категориям граждан.

Об этом свидетельствуют, например, многочисленные террористические акты, случаи посягательства на жизнь сотрудников государственных и силовых структур в Чеченской Республике. В чеченских правоохранительных органах отмечают, что в последнее время вооружённое подполье в республике значительно активизировалось. Отряды боевиков численностью до нескольких десятков человек в 2008 г. дважды захватывали населённые пункты, совершили ряд нападений на военных и сотрудников правоохранительных органов, неоднократно вступали в боестолкновения с подразделениями федеральных сил и местных силовых структур¹⁰. Отмена 16 апреля 2009 г. режима контртеррористической операции (КТО) не нормализовала обстановку в республике, как ожидалось. Напротив, по данным статистики, после отмены этого режима в Чечне значительно возросло число терактов, убийств военнослужащих и милиционеров, похищений людей¹¹. Летом 2009 г. банддвижение на территории этой республики вновь активизировалось, при этом беспрецедентно часто в террористических акциях участвовали шахиды. А это свидетельствует об усилении влияния ближневосточных радикальных исламистских организаций на процессы самоорганизации местного террористического подполья. С мая по август 2009 г. в чеченской столице взорвались 4 "живые" бомбы, а ещё 2 подобных теракта были совершены в тот же период в Ингушетии¹². В ночь с 27 на 28 августа 2009 г. очередную акцию совершили два террориста-смертника – А. Устарханов и С. Оспанов, находившиеся в федеральном розыске¹³.

Пик террористической активности в Республике Дагестан пришёлся на 2005 г.: тогда было зарегистрировано 108 случаев посягательства на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, из них 44 с применением взрывных устройств. В результате принятых мер в том же году было раскрыто 39 терактов и 44 покушения, задержано 123 и уничтожено при оказании вооружённого сопротивления 50 членов бандподполья, предотвращено 13 спланированных диверсионно-террористических акций. Глава МВД РФ Рашид Нургалиев на состоявшейся в июне 2007 г. конференции в Махачкале оценил ситуацию в Дагестане как

¹⁰ Коммерсантъ. 2008. 1 сентября.

¹¹ Независимая газета. 2009. 27 июля.

¹² Коммерсантъ. 2009. 21 августа.

¹³ Эхо Москвы. 2009. 28 августа.

весьма сложную и отметил, что "за последние 2,5 года совершено почти 270 терактов, жертвами которых стали десятки сотрудников милиции, в том числе и ряд руководителей МВД Дагестана, включая замминистра Магомеда Омарова... За это время погибли 80 сотрудников МВД и 47 получили ранения"¹⁴. На пресс-конференции, прошедшей в июне 2009 г. в Махачкале, президент Дагестана М. Алиев определил обстановку в республике как напряжённую. "В этом году... совершено 30 преступлений террористической направленности. В прошлом году за аналогичный период их было 20... И что особенно тревожит – больше стало потерь в силовых структурах. Убиты 22 работника правоохранительных органов. В прошлом году за такой же период были убиты 8 человек. Правда, среди боевиков тоже немало потерь. В этом году уничтожены 47, в прошлом году – 27 боевиков", – отметил М. Алиев¹⁵. Следует подчеркнуть, что 5 июня 2009 г. снайпер застрелил министра внутренних дел Дагестана А. Магомедтагирова.

Аналогичные акции происходят и в Республике Ингушетии, на территории которой с 2004 г. произошёл буквально взрыв террористической активности. В июне 2004 г. боевики осуществили массированное нападение на объекты республиканского значения. В сентябре того же года произошла трагедия в Беслане (Северная Осетия). Захват школы подготовили и провели представители так называемого "ингушского джамаата". Позднее на территории Ингушетии число терактов и их результативность постоянно росли, что превратило республику в своеобразное "слабое звено" Северного Кавказа. Резкое обострение ситуации произошло летом 2009 г.: только в июне в Ингушетии были убиты заместитель председателя Верховного суда этой республики А. Газгиреева и экс-вице-премьер Б. Аушев¹⁶, а также совершено покушение на президента республики Ю.-Б. Евкурова¹⁷. 17 августа 2009 г. террорист-смертник на "Газели", начинённой взрывчаткой, атаковал здание РОВД Назранского района Ингушетии. В результате погибло 25 человек, а более 200 получили ранения. Таких потерь, отмечали СМИ, ингушская милиция не несла с июня 2004 г., когда боевики атаковали некоторые объекты в Назрани¹⁸. По информации пресс-службы республиканского МВД, с начала 2009 г. в Ингушетии погибли 68 и ранены 212 сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, убиты 30 и ранены 85 гражданских лиц. Потери же самих боевиков куда скромнее. С начала года нейтрализовано всего 85 участников незаконных вооружённых формирований¹⁹. Многочисленные теракты в Ингушетии свидетельствуют о том, что, несмотря на периодически звучащие победные репортажи местных силовиков об успехах в борьбе с вооружённым подпольем, ситуация всё ещё весьма далека от нормальной.

¹⁴ Вести "Северный Кавказ". 2007. 6 июня.

¹⁵ Информационное агентство "Regnum". 2009. 12 июня.

¹⁶ Время новостей. 2009. 14 июня.

¹⁷ Московский комсомолец. 2009. 23 июня.

¹⁸ Коммерсантъ. 2009. 18 августа.

¹⁹ *Мухин В.* Ингушскую милицию усилят варягами // Независимая газета. 2009. 1 сентября.

Если говорить о других северокавказских республиках, то особая напряжённость наблюдается в Кабардино-Балкарии, где в октябре 2005 г. экстремисты предприняли попытку захвата ряда объектов силовых структур в Нальчике, в ходе которого было уничтожено около сотни боевиков.

В феврале 2006 г. в МВД Кабардино-Балкарии прошёл круглый стол, посвящённый проблеме противостояния терроризму и экстремизму. На нём был представлен социально-психологический портрет участников нападения на Нальчик 13–14 октября 2005 г., составленный правоохранительными органами на основе данных о 166 боевиках. Как оказалось, среди них 87 % составляли молодые люди в возрасте 20–30 лет, 13 % – старше 30 лет. Около 20 % боевиков имели высшее, 15 % – среднее специальное, 65 % – среднее и 1,2 % – неоконченное среднее образование. Более половины из них состояли в браке, 56 боевиков проходили в качестве подозреваемых по различным уголовным делам (7 – о наркотиках, 8 – о незаконном обороте оружия).

В июне–июле 2009 г. в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарии (на территории населённых пунктов Тырныауз, Кенделен, Бедык, Былым, Тегенекли, Терскол, Эльбрус, Нейтрино и Верхний Баксан) вводился режим контртеррористической операции. Все последние годы обстановка в этом районе считалась стабильно напряжённой, однако она заметно осложнилась именно в 2009 г. По данным правоохранительных органов республики, за последний год здесь были отмечены 32 случая терроризма, а в мае–июне от рук боевиков получили ранения пять сотрудников милиции, один из них погиб²⁰. 21 июня 2009 г. сотрудники правоохранительных органов Кабардино-Балкарии в ходе спецоперации на территории Эльбрусского района ликвидировали одного из лидеров ваххабитского бандподполья – руководителя джамаата "Ярмук" Адамея Джаппуева. Вместе с ним был убит ещё один участник незаконных вооружённых формирований²¹.

В Северокавказском регионе участились акты терроризма в отношении руководителей и политиков – сторонников единства России, ведущих успешную, в том числе силовую, административную и идеологическую борьбу против сепаратистов, стремящихся отколоть Северный Кавказ от России, внедрить на его территории идеологию религиозного экстремизма. Среди убитых – министры по делам национальной политики Дагестана Магомедсалих Гусаев и Загир Арухов, заместитель министра внутренних дел Дагестана Магомед Омаров, заместитель министра внутренних дел Ингушетии Джабраил Костоев, заместитель главы администрации Плиевского муниципального округа Назрани Хаваж Даурбеков и многие другие.

Регулярно происходят террористические акции и в отношении представителей традиционного мусульманского духовенства. Так, в 2009 г. были убиты заместитель муфтия Дагестана Тагаев и заместитель муфтия Карачаево-Черкесии Бостанов.

²⁰ Газета. 2009. 30 июня.

²¹ РИА Новости. 2009. 21 июня.

Таким образом, несмотря на некоторое снижение активности террористов по сравнению с пиковым 2005 г., ситуация в Северокавказском регионе по-прежнему остаётся сложной. Очередная волна терактов была отмечена летом 2008 г., непосредственно перед началом и в ходе "пятидневной войны" в Южной Осетии. Тогда в новостях чаще появлялась информация о терактах в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Это говорит о том, что рост напряжённости на Северном Кавказе вряд ли возник сам по себе. Скорее всего, он напрямую связан с обострением обстановки в Закавказье, к чему приложили руку силы, известные своим умением инспирировать конфликты и локальные войны по всему миру. После того как грузинская армия бежала, официальный Тбилиси начал угрожать, что поддержит сепаратистские процессы на Северном Кавказе, а некоторые политики из-за океана даже обещали признать независимость тех территорий, которые пожелают отделиться от России. Аналитики отмечали, что боевики, получившие внешнюю "установку" и деньги, просто воспользовались удобным моментом²².

Катализатором продолжающегося до сих пор всплеска терроризма на Северном Кавказе, безусловно, является поражение Грузии и стоящих за ней геополитических игроков. Именно после него резко усилилось антироссийское информационное давление, активизировали свою деятельность западные и прозападные НПО, увеличилось финансирование исламистско-террористического движения в Северокавказском регионе²³, которое, как правило, осуществляется по непрямым каналам. Так, первый зампред комитета Госдумы по безопасности М. Гришанков убеждён, что активизация действий бандформирований связана с усилением в последнее время их финансовой подпитки из-за рубежа²⁴. А руководитель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин подчеркнул, что денежное вознаграждение (в долларах) за проведённые теракты и убийства (в зависимости от "веса" объекта) в последнее время повысилось. Именно поэтому, по его мнению, "многие громкие преступления в регионе зачастую носят заказной характер и совершаются наёмниками"²⁵. Факт расширения масштабов наёмничества подтверждает и президент Чеченской Республики Р. Кадыров, который после покушения на президента Ингушетии в июне 2009 г. в интервью "Интерфаксу" заявил: "Мы уничтожили 30 бандитов на территории Дагестана, в Ингушетии и в Чечне. Среди них не только граждане России, но и граждане Узбекистана, Грузии, Таджикистана. Они борются против России, выбрав в качестве плацдарма территорию Кавказа. Запад их финансирует. Это политика определённых государств, которые хотят видеть Россию слабой"²⁶.

Действительно, именно западная поддержка, политическая и финансовая, позволила лидерам бандформирований активизировать диверсионно-террористическую деятельность летом 2009 г. Это дало возможность

²² Манкиев М. Мир после Цхинвала: точка невозврата / Фонд стратегической культуры. URL: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1658>.

²³ См. об этом: Интерфакс. 2009. 24 июня.

²⁴ Ведомости. 2009. 23 июня.

²⁵ Независимое военное обозрение. 2009. 9 июля.

²⁶ Интерфакс. 2009. 23 июня.

нанимать для исполнения громких убийств высококлассных снайперов. Вновь, как и несколько лет назад, в терактах начали участвовать шахиды. Правда, сегодня это не "чёрные вдовы", а мужчины. Это говорит о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на северокавказский радикальный исламизм и участии наёмников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Сказанное подтверждает, в частности, заявление заместителя министра внутренних дел РФ генерал-полковника А. Еделева, который сообщил журналистам в Нальчике, что на российско-азербайджанской границе задержана группа иностранных наёмников, пытавшаяся нелегально проникнуть на российскую территорию²⁷. Последние спецоперации в Дагестане и Ингушетии, как отмечают эксперты, свидетельствуют, что как минимум половина боевиков – это наёмники. Р. Кадыров, по утверждению газеты "Московский комсомолец", назвал имя идеолога, подготовившего смертника для взрыва 26 июля 2009 г. на Театральной площади Грозного. Это некто Мухадиев по кличке "Бычок", которого полтора года готовил А. Тихомиров, известный также как Саид Бурятский²⁸. В августе 2009 г. террорист-одиночка атаковал милицейский пост в селении Мескер-Юрт Шалинского района, в результате чего 4 милиционера были убиты, ещё 3 человека получили ранения. По словам главы МВД Чечни Р. Алханова, террорист-смертник М. Шахидов входил в бандгруппу полевого командира Хусейна Гакаева. В 2004 г. он уже был осуждён на небольшой срок за участие в незаконных вооружённых формированиях, однако, выйдя на свободу, опять ушёл в банду. Комментируя совершённые в 2009 г. теракты, Рамзан Кадыров заявил, что их заказчиком является Доку Умаров, а смертников подготовили действующие в Веденском районе арабские инструкторы²⁹.

Таким образом, северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников для них, в том числе не только иностранных, но и российских граждан (например, Саид Бурятский). Однако эксперты в то же время не без оснований полагают, что шахидов вербуют также из числа уже подготовленных лиц в странах Ближнего и Среднего Востока. Тем самым террористическая активность "моджахедов" канализируется на Северный Кавказ, облегчая США и их союзникам осуществление "контртеррористических операций" в Афганистане и Ираке³⁰.

В любом случае, все эти мероприятия геополитически обусловлены и представляют собой асимметричный ответ Запада на поражение своего сателлита – режима Саакашвили в августе 2008 г.

Так, по заявлению директора ФСБ России А. Бортникова, сделанному 16 июня 2009 г. в ходе очередного заседания Национального антитеррористического комитета в Москве, "в последние месяцы на территориях республик Дагестан, Ингушетия и в Чеченской Республике отмечен всплеск террористических проявлений, связанных с вооружёнными

²⁷ Российская газета. 2009. 29 июля.

²⁸ Московский комсомолец. 2009. 30 июля.

²⁹ Коммерсантъ. 2009. 25 августа.

³⁰ По информации, полученной лично автором.

нападениями бандгрупп на сотрудников правоохранительных органов и представителей органов власти"³¹. По данным "Российской газеты", на июнь 2009 г. "в регионах Северного Кавказа совершено 308 преступлений террористической направленности. Жертвами террористических действий в этом году уже стали 75 сотрудников правоохранительных органов и 48 гражданских лиц. При этом общее количество ликвидированных бандитов – 112"³².

А. Бортников сообщил, что с начала 2009 г. на Северном Кавказе уничтожено более 260 баз и тайников, принадлежавших бандформированиям. По его словам, "всего в этот период в указанном регионе из незаконного оборота изъято 527 единиц стрелкового оружия, свыше 2,5 тонн взрывчатых веществ, более 180 самодельных взрывных устройств"³³. В ходе планового заседания Совета начальников органов безопасности по Южному федеральному округу, которое прошло 25 июня 2009 г. во Владикавказе, были приведены данные о том, что "сотрудники управлений ФСБ России в ЮФО с 2008 г. предотвратили 50 терактов, в том числе захват сельской школы в Дагестане по "бесланскому" сценарию и взрыв самодельного устройства на пляже в Анапе"³⁴.

В Управлении Генпрокуратуры РФ по ЮФО констатируют значительный рост раскрываемости преступлений, совершаемых организованными преступными группировками. "В производстве как в прошлом, так и в нынешнем году находится свыше 1400 уголовных дел, связанных с деятельностью ОПГ, обвинения предъявлены свыше 1600 лицам, с 2008 г. по настоящее время вынесено более 800 обвинительных приговоров", – сообщил 4 июля 2009 г. на пресс-конференции в агентстве "Интерфакс-Юг" заместитель начальника Главного управления Генеральной прокуратуры РФ в ЮФО А. Мельников. "Так, предотвращена деятельность ряда организованных групп и их формирований межрегионального характера, действующих в Ростовской области, Краснодарском крае, Дагестане, Кабардино-Балкарии", – сказал он. Кроме того, "уничтожены или задержаны при оказании вооружённого сопротивления ряд активных членов кабардино-балкарского джамаата". "Фактически нейтрализована деятельность джамаата Карачаево-Черкесии", – отметил А. Мельников³⁵.

Возросшая решительность и слаженность действий бандформирований летом 2009 г. свидетельствуют также и о многочисленных внутренних проблемах в республиках региона, которые служат ключевыми конфликтогенными факторами и питательной средой для внешних сил, существенно осложняющих и без того непростую ситуацию. Действительно, проблемы Северного Кавказа не ограничиваются исключительно религиозно-политическим экстремизмом, который распространяется на территорию России зачастую из-за рубежа. Укрепление стабильности на Кавказе во многом зависит от преодоления социально-экономических и политических проблем региона. Как подчеркнул президент России Д. Медведев, "это сохраняющаяся бедность населения, высокий уровень безработицы,

³¹ Интерфакс. 2009. 16 июня.

³² Российская газета. 2009. 9 июня.

³³ Там же.

³⁴ Росбалт. 2009. 25 июня.

³⁵ Интерфакс. 2009. 4 июля.

огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении, снижающие эффективность власти, что ведёт к утрате доверия и авторитета власти"³⁶. Президент подтвердил наличие на Северном Кавказе внутренних противоречий, из-за которых существующие угрозы в регионе будут сохраняться. К ним он отнёс межклановые отношения, воровство и взяточничество. "Если мы не сможем отреагировать на эти проблемы, то так и будем тут бороться с терроризмом", – сказал Д. Медведев³⁷. Против всех этих угроз, по его мнению, должны быть выработаны адекватные меры. Национальному антитеррористическому комитету, в частности, поручено подготовить комплекс организационных и оперативных мероприятий по преодолению разрастания террористической активности и бандитизма. Меры должны быть жёсткими и включать в себя противодействие таким явлениям, как наркоторговля и наркотрафик, которыми и питается терроризм³⁸. В свою очередь, директор ФСБ России А. Бортников заявил, что на Северном Кавказе необходимо повысить "качество планирования и координации действий при реализации мер по нейтрализации преступных действий бандгрупп, пресечению каналов их ресурсной подпитки, прежде всего вооружением и финансами"³⁹.

Сказанное подтверждает, что одного лишь силового воздействия для ликвидации современного религиозно-политического экстремизма явно недостаточно. Как показывает современная мировая практика, репрессивные методы подавления этнорелигиозного экстремизма эффективны лишь при борьбе с его вооружёнными проявлениями. А применение силы против радикальных исламских организаций и носителей радикального сознания, выдвигающих альтернативные проекты государственно-правового устройства, но не прибегающих к насилию для их реализации, напротив, объективно превращает такую государственно-правовую политику в один из факторов расширения социальной базы этнорелигиозного экстремизма⁴⁰.

Широкая мировая практика борьбы с радикальными исламскими движениями подтверждает, что одними лишь репрессивными мерами деятельность исламистов пресечь невозможно, напротив, они могут привести к росту экстремистских настроений внутри этих движений. Это подтверждает и опыт репрессивного подавления этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе и в Российской империи, и в Советском Союзе: запреты и силовое подавление антиправительственной деятельности на этнорелигиозной почве не ликвидируют социальные девиации, а лишь консервируют их.

В связи с этим необходимо более эффективно использовать и иные возможности, которые пока реализуются далеко не в полной мере. Речь в данном случае не идёт об отказе или ослаблении легального юридического преследования террористов. Об этом, в частности, свидетельствует инициатива Д. Медведева, внесённая им 19 августа 2009 г. на совещании

³⁶ Российская газета. 2009. 9 июня.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Интерфакс. 2009. 16 июня.

⁴⁰ *Добаев И. П.* Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов-на-Дону, 2005. С. 281.

в Ставрополе, где рассматривались меры по нейтрализации угрозы терроризма и экстремизма на Северном Кавказе. Он предложил поправки в законодательство, разрешающие изменять территориальную подсудность по делам о терроризме и изымать из компетенции судов присяжных дела, касающиеся преступных сообществ и организованных преступных групп⁴¹. Что касается деятельности по пресечению каналов финансовой подпитки террористов, то она и вовсе нуждается в переосмыслении и улучшении⁴².

Однако наиболее слабо, по нашему мнению, в деле противодействия крайним формам проявления исламизма до сих пор используется идеолого-пропагандистская и разъяснительная работа (особенно среди верующих), которая могла бы сузить социальную базу поддержки радикалов. Как считает президент фонда "Петербургская политика" М. Виноградов, совершенно необходимо "целевое воздействие на колеблющихся между перспективами уйти в леса или остаться, а также пропаганда тех ценностей, которые отвергают радикалы. Предстоит серьёзная борьба за умы"⁴³. Однако, как представляется, не стоит тешить себя надеждой на идеологическое перевоспитание тех, кто уже прошёл некую точку возврата.

Безусловно, росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только вакуум, возникший в результате сложных процессов, происходивших во всех светских идеологиях нынешнего периода, но и определённые кризисные явления, затронувшие основы традиционного для региона направления ислама. Тем не менее даже имеющиеся у государства возможности идеологического влияния используются мало. Действенная пропаганда против ваххабизма не ведётся, догматику и риторику его последователей не опровергают, не высмеивают. Вместо этого органы власти и управления своими руками порой создают "борцам за веру" (моджахедам) и "мученикам" (шахидам) героический ореол. Практически не проводятся социологические исследования в различных слоях общества на предмет определения степени их "заражённости" идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий государства, поскольку, с нашей точки зрения, для каждой социальной страты нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов не существует авторитета не только светских властей и учёных, но и представителей официального ислама. Их "единственным моральным мерилom зачастую выступают молодые имамы "из леса", проповедующие джихад, причём эти имамы основательно подкованы и обладают даром убеждения"⁴⁴. У нас же до сих пор в ходу некие универсальные, зачастую затратные, но неэффективные псевдоидеологические мероприятия, проку от которых немного, а также несбыточные мечтания на тему о сверхвозможностях традиционного ислама и официального духовенства. Эту ситуацию надо менять, и как можно скорее. Здесь серьёзную роль могла бы

⁴¹ Российская газета. 2009. 20 августа.

⁴² *Добаев А. И.* Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации // Южнороссийское обозрение. 2008. Вып. 52.

⁴³ Онлайн газета "Взгляд". 2009. 28 августа.

⁴⁴ *Сидоров А.* Зелёное знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. 2009. 31 августа.

сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально поддерживаемая государством.

По нашему мнению, нормализовать положение могла бы в том числе и модернизация северокавказского ислама, прежде всего путём воссоздания собственной системы российского мусульманского образования в регионе. И в решении этой проблемы тоже должно принимать участие государство. Надо сказать, что с 2007 г. ситуация начинает сдвигаться с мёртвой точки, и это внушает осторожный оптимизм. Речь идёт о создании в регионе при участии государства исламских образовательных центров, фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, причём на создание соответствующих образовательных программ бюджет страны уже затратил 60 млн руб.⁴⁵ 28 августа 2009 г. президент РФ провёл в Сочи очередную встречу с муфтиями и главами субъектов Северного Кавказа, в ходе которой были приняты важные концептуальные решения по идеологическому противодействию религиозно-политическому экстремизму, патриотическому воспитанию молодёжи, улучшению системы мусульманского образования в регионе, взаимодействию с зарубежными мусульманскими университетами и др.⁴⁶ На этой встрече было принято решение отказаться от прежних стереотипов в борьбе с сепаратизмом, определены взвешенные подходы к преодолению кризисной ситуации, которая сложилась на Северном Кавказе. Было подчёркнуто, что на протяжении долгих лет власти занимались в основном физическим подавлением "партизанского движения" в регионе. Но гораздо важнее создать такие условия, которые помогли бы людям самим осознать бессмысленность и губительность вооружённого противостояния власти. А это возможно лишь тогда, когда они убедятся, что существующая власть не враждебна, а, напротив, содействует их социальному, культурному, религиозному расцвету⁴⁷. И убедить их в этом предстоит властям, всему российскому обществу. Работа предстоит масштабная.

Что касается отечественного исламского образования, то в настоящее время на территории ЮФО действует более 20 высших исламских учебных заведений (виузов), около 170 средних специальных исламских учебных заведений – медресе, а также около 300 начальных исламских учебных заведений – мактабов, где обучаются около 17 тыс. человек. В подавляющем большинстве – это приверженцы суннизма. Из общего числа студентов около 14 тыс., или примерно 85 %, учатся в исламских учебных заведениях Дагестана. Однако система исламского религиозного образования Северного Кавказа до сих пор не составляет реальной конкуренции зарубежным образовательным центрам. В результате только из Дагестана в последние годы на обучение в эти центры выехало около 1,5 тыс. молодых людей (а возвратились после обучения в республику около 500 человек). Причём едут они туда зачастую по собственной инициативе, используя различные каналы и без участия в этом процессе Духовного управления мусульман Дагестана (что, впрочем, характерно и для других республик). В результате имамы – приверженцы традиционного

⁴⁵ Кавказский узел. 2009. 28 августа.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Сидоров А. Указ. соч.

ислама – постепенно вытесняются из мечетей более образованными конкурентами, получившими образование за рубежом, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 2007 г. при содействии государства на Северном Кавказе созданы два высших исламских учебных заведения: Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки в Махачкале (Дагестан) и Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы в Нальчике (Кабардино-Балкария). В августе 2009 г. третий на Кавказе исламский университет открылся в Чеченской Республике. Их основными целями являются:

– подготовка современных высококвалифицированных служителей исламского культа и исламских теологов;

– повышение квалификации имамов и других служителей ислама, переподготовка и специализированная подготовка кадров по отраслям исламского знания;

– содействие в подготовке специалистов-исламоведов для субъектов Северо-Кавказского региона и других регионов Юга России.

В учебном процессе используются современные образовательные и информационные технологии, он направлен на совершенствование системы религиозного образования и науки в целом, а также на его адаптацию к условиям российской системы светского образования.

Проблема ликвидации почвы для воспроизводства религиозно-политического экстремизма в регионе ещё далека от окончательного решения. Поэтому начатое при поддержке государства дело модернизации и укрепления отечественного традиционного ислама следует рассматривать как важнейший долгосрочный проект, а не кратковременную кампанию.

Однако эффективное противодействие распространению религиозно-политического экстремизма и терроризма можно наладить только в том случае, если рассматривать эти явления как сложные социально-политические процессы, которые определяются целым рядом ключевых конфликтогенных факторов – социально-экономических и политических. Совершенно очевидно, что террористическим группам, чтобы преуспеть, необходимо иметь большое количество пассивных сторонников. А потому сокращение их численности является ключевым условием снижения популярности терроризма в обществе⁴⁸. Чтобы победить терроризм, необходимо лишить его адептов общественной поддержки. Если люди будут чувствовать заботу власти, обретут экономическую и социальную уверенность в завтрашнем дне, то вряд ли станут поддерживать террористов.

Безусловно, жёсткие меры против террористов необходимы, однако они должны сочетаться с усилиями по устранению главных причин совершения преступлений – повальной безработицы, коррупции, недоверия к власти. Многие эксперты говорят о необходимости пересмотреть неэффективную политику федерального центра на Северном Кавказе. Как показала практика, ставка на самостоятельность и финансовые вливания в северокавказские республики не приносит ожидаемого положительного результата, а лишь развращает местные элиты, погрязшие в коррупции

⁴⁸ Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир / Доклад Национального разведывательного совета США. М., 2009. С. 141.

и борьбе за власть, игнорирующие социальные и этнорелигиозные проблемы. Добиться действительно кардинальных изменений в общественно-политической системе субъектов региона возможно, с нашей точки зрения, лишь при условии выработки нового подхода, акцент в котором будет сделан не столько на силовую составляющую, сколько на социально-экономическую, политическую и правовую.

Так, А. Торшин, глава Кавказской комиссии, созданной при Совете Федерации, первый вице-спикер палаты, считает, что необходимо принять комплексный план развития Кавказа. По его словам, следует кардинально изменить отношение к региону, развивать кавказоведение и более серьёзно относиться к существующим проблемам. Федеральному центру следует проанализировать структуру занятости и экономики в северокавказских республиках, а также разработать план перераспределения ресурсов⁴⁹. На встрече президента России с главами регионов и духовными лидерами Северного Кавказа 28 августа 2009 г. в Сочи прозвучали предложения продолжить политику укрепления связей со странами традиционного ислама, разрабатывать совместные просветительские проекты с Египтом, Ливией, Сирией и другими мусульманскими государствами, а также подготовить комплексную программу по работе с молодёжью на Северном Кавказе, создать российский религиозный телеканал, использовать в других северокавказских республиках опыт работы с духовенством, применяемый в Чечне, где имамы участвуют в совещаниях властей всех уровней, и т.п. Однако, в любом случае, следует настроиться на длительную борьбу с религиозно-политическим экстремизмом, одновременно отказавшись от тупого осуществления шаблонных мероприятий.

Все эти меры, как считают многие эксперты-регионоведы, не достигнут цели, если не удастся хотя бы минимизировать три знаменитых "К", о которых говорил Д. Козак в бытность свою представителем Президента РФ в ЮФО: клановость, казнокрадство, коррупцию.

⁴⁹ Интерфакс. 2009. 17 августа.